

щенского собора и духовник самого царя, сопровождавший его в Казанском походе 1552 года. У нас нет материалов, на основании которых можно было бы считать Афанасия противником Грозного. Скорее наоборот. Афанасий был связан с царем узами многолетнего личного общения. Он, видимо, принимал деятельное участие в составлении Степенной книги,¹ основная мысль которой заключалась в доказательстве божественного происхождения самодержавной власти Грозного. В послесловии Апостола 1564 года имеется одна интересная деталь, которая в какой-то степени отражает характер взаимоотношений, установившихся между Афанасием и Иваном Федоровым. Согласно послесловию Апостола, работы по его изданию были завершены 1 марта 1564 года «... при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси в первое лето святительства его». В данном случае имеет место или случайная опечатка, или, что скорее, сознательно неточное изложение событий. В действительности 1 марта 1564 года Афанасий, хотя и исполнял обязанности московского митрополита, так как был уже наречен последним, но юридически не мог называться ни архиепископом, ни митрополитом, ибо не был еще хиротонисан во епископы. Только после акта посвящения, который имел место 5 марта, Афанасий мог называться архиепископом и митрополитом.

Трудно предположить, что здесь была допущена опечатка, так как цифра 1 (а) стоит на видном месте. Повидимому, первопечатный Апостол был адресован Иваном Федоровым новому владыке русской церкви, который и раньше находился у кормила церковной власти при умирающем Макарии.

19 мая 1566 года Афанасий «за немощию» оставил митрополию и возвратился в Чудов монастырь.² Дата его смерти точно не известна. В 1568 году он был еще жив. Следующим митрополитом всея Руси был Филипп II (1507—1569) — в миру Федор Степанович Колычев, происшедший из старинного боярского рода. Первые московские типографии прекратили свою деятельность в период пребывания на митрополичьем престоле Филиппа II, и это, видимо, не случайно. Житийная биография его, составленная в конце XVI века, распространена в многочисленных списках и хорошо известна, но подлинная деятельность вырисовывается здесь только в общих чертах. Ясно лишь одно — на протяжении почти всей своей сознательной жизни Ф. С. Колычев вел решительную борьбу со всякими попытками правительства Елены Глинской и Ивана IV ограничить своеволие бояр.

Вспомним политическую обстановку, сложившуюся в Москве к 1566—1567 годам, к периоду прекращения деятельности первых русских печатных дворов.

Неудачи Ливонской войны потребовали от Ивана IV мобилизации всех сил государства. Политика реформ, проводимая Избранной радой и отражавшая определенное равновесие сил между дворянством и родовой земельной аристократией, изжила себя. Нарастающее сопротивление, которое оказывали реакционные круги боярства и духовенства проведению всех мероприятий дворянского правительства Ивана Грозного, неизбежно должно было привести к вооруженным столкновениям. Основываясь на

бинский, ук. соч., стр. 92—109; В. Васильев. История канонизации русских святых. Чтения ОИДР, 1893, кн. III, отд. 3, стр. 156—203; И. У. Будовниц, ук. соч., гл. VII, и др.

¹ П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. Сборник статей по русской истории, Пб., 1922, стр. 267

² ПСРА, XIII. второй полутом, стр. 401.